

DOI 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-6-23

УДК [39+94](=411.16)

Е. Э. Носенко-Штейн

Институт востоковедения РАН
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9952-8582
E-mail: Nosenko1@gmail.com

Иудаика и некоторые гуманитарные и социальные науки: попытки взаимодействия

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы развития иудаики в разных странах, а также в Российской империи, затем ее «свертывание» в советский период и начало возрождения в современной России. Кроме того, автор останавливается на проблемах взаимодействия иудаики с некоторыми гуманитарными и социальными дисциплинами: этнографией/этнологией и социокультурной антропологией. В статье кратко прослеживается история возникновения и развития иудаики, отмечается, что указанные гуманитарные науки в силу конкретных исторических условий не занимали в этой области знания значительного места. Скорее в эту сферу входили история евреев в разные периоды, изучение языков и литературы, а также философия и право. Анализируются причины подобной ситуации и на современном этапе (в особенности в России). Среди таковых отсутствие соответствующих научных школ, нежелание руководителей научных и вузовских центров и кафедр обращаться к современной проблематике, наличие устоявшихся традиций. Автор делает вывод о необходимости развития этнологических и антропологических исследований в сфере иудаики (как в академических институтах и центрах, так и на вузовских кафедрах, в том числе кафедрах, где обучают специалистов в области иудаики и/или израилеведения), а также о необходимости подготовки соответствующих специалистов в системе высшего образования. Отсутствие взаимодействия между иудаикой, с одной стороны, и этнологией и социокультурной антропологией, с другой, как отмечает автор, ведет к недостаточно высокому уровню подготовки специалистов в указанных областях знания и к тому, что многие проблемы культуры и современного состояния еврейского общества остаются малоизученными.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

иудаика, социальные дисциплины,
социокультурная антропология,
этнология, социология

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Носенко-Штейн Е. Э. Иудаика и некоторые гуманитарные и социальные науки: попытки взаимодействия. *Этнография*. 2020. 2 (8): 6–23. doi 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-6-23

E. Nosenko-Stein

Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9952-8582
E-mail: Nosenko1@gmail.com

Jewish studies and their interrelations with humanities and social sciences

ABSTRACT. In this essay the author examines the major patterns of the development of Jewish Studies in different countries including the Russian Empire, their elimination in the Soviet era and revival in post-soviet Russia, as well as interactions between Jewish studies and some humanities and social disciplines, i.e. ethnography/ethnology and social and cultural anthropology. She traces the history of the emergence and development of Jewish studies and points out that the above mentioned disciplines never played a significant role in them because of particular historical circumstances; Jewish history of different periods, studying Jewish languages and literature as well as philosophy and law prevailed in Jewish studies. The author emphasizes that there are certain reasons for that, among them the disruption of academic traditions in ethnology in Russia and the indifference of some academic and university leaders to contemporary research. She also discusses interrelations between Jewish studies and ethnological and anthropological research, especially in contemporary Russia, and concludes that it is necessary to promote ethnological and anthropological research in Jewish studies both in Russian academic centers and universities where future specialists in Jewish and/or Israeli studies are being prepared. The author also notes that a lack of such specialists leads to a lack of research dealing with Jewish culture and contemporary Jewish communities.

KEYWORDS:

Jewish Studies, social sciences, ethnology,
social anthropology, sociology

FOR CITATION:

Nosenko-Stein E. Jewish studies and
their interrelations with social sciences.
Etnografia. 2020. 2 (8): 6–23. (In Russ.). doi
10.31250/2618-8600-2020-2(8)-6-23

ВВЕДЕНИЕ

В этой статье я уже не в первый раз хотела бы поделиться размышлениями о роли некоторых социальных дисциплин: прежде всего, социокультурной антропологии, в меньшей степени социологии, социолингвистики, социальной психологии, а также этнологии/этнографии — и их месте в том комплексе наук, которые получили название «иудаика» (Jewish Studies). Этнография и этнология согласно общепринятой классификации относятся к гуманитарным наукам, в то время как социальная антропология — к социальным, но в бывшем СССР и в некоторых постсоветских странах (в том числе в России) их продолжают «причислять» одновременно к гуманитарной дисциплине — истории (именно так они под номером 07.00.07 — этнография, этнология, антропология — продолжают значиться в списке Высшей аттестационной комиссии, а также в классификаторах государственных научных фондов в рубрике «Исторические науки» вместе со всеобщей, отечественной и региональной историей и археологией).

К этой проблеме впервые я обратилась более десяти лет назад на страницах журнала «Диаспоры» (Носенко 2006). Тогда я писала о некоторых тенденциях именно российской иудаики, но в дискуссии, развернувшейся по этому поводу, приняли участие по преимуществу израильские коллеги; российские исследователи и преподаватели иудаики, а также руководители соответствующих кафедр и центров, которые должны были быть заинтересованы в таком обсуждении, от участия в нем воздержались. С тех пор я еще дважды (в 2009 и 2014 гг.) обращалась к этим проблемам, отмечая, что самая ранняя моя публикация (2006 г.) с некоторыми исправлениями могла быть перепечатана в 2009 и 2014 гг. (Носенко 2009, 2014). Снова обратиться к этой проблематике меня побудили несколько событий и, на первый взгляд, незначительных поводов. Это работа в качестве ответственного редактора (совместно с известным специалистом по бухарским евреям и профессиональным этнографом Т. Г. Емельяненко) над справочно-этнографическим томом «Евреи», вышедшем в серии «Народы и культуры» (Евреи 2018). Подробнее об этом и других поводах я расскажу чуть ниже, пока же позволю себе коротко напомнить, о чем писала ранее.

Впервые поводом для написания статьи о взаимодействии некоторых гуманитарных и социальных дисциплин и иудаики мне послужил доклад известного американского антрополога и слависта Кэтрин Вердери, которая в 2005 г. на 37 Конгрессе славистов сделала доклад «Возвращая антропологию в славистику» (Verdery 2006)¹. Некоторые мысли, высказанные

¹ С небольшими сокращениями доклад был опубликован в журнале «Ab Imperio» под названием «Возвращая антропологию в славистику» (2006, № 1). Доклад цитируется по тексту, размещенному на сайте журнала: www.abimperio.net.

К. Вердери о взаимодействии славистики и антропологии, оказались настолько созвучными моим размышлениям (и во многом остаются таковыми) относительно антропологии и места в ней иудаики, что мне показалось нелишним напомнить о них.

Исследовательница отмечает, что «возвращение» антропологии в славистику стало бы благом для обеих дисциплин. Причины столь позднего интереса автор видит, в числе прочего, в тех трудностях, с которыми приходилось сталкиваться зарубежным антропологам, исследовавшим культуру славянских народов Восточной Европы до 1989 г. Это в целом справедливо в отношении отечественной иудаики и ее «сложных взаимоотношений» с антропологией и другими социальными дисциплинами. До конца 1980-х годов специалисты в области антропологии, социологии, социолингвистики в СССР, а также зарубежные ученые, занимавшиеся иудаикой, почти не имели возможности проводить полевые исследования для изучения культуры советских евреев. Поэтому зарубежные специалисты были вынуждены обращаться преимущественно к истории российских евреев досоветского периода. Отечественные специалисты были ограничены в еще большей степени (см. об этом ниже). Иными словами, «внедрению» антропологии в российскую иудаику препятствовали, на первый взгляд, те же причины, о которых писала Вердери. Однако, в отличие от славистики, в СССР не сложилась и не могла сложиться локальная школа иудаики.

Славистика возникла в XIX в. как комплекс дисциплин, изучавших преимущественно историю, языки, литературу и фольклор славянских народов. Антропологические исследования в ней долго не получали широкого распространения; хотя изучение традиционной этнографии и фольклора славян было достаточно популярно. Это вполне объяснимо, если вспомнить что «полям» этнографии изначально считались культура так называемых примитивных народов и крестьянская культура народов Европы. Кроме того, после распада СССР и бывшего социалистического лагеря в славистике происходит постепенный «разворот» в сторону изучения современных процессов и явлений в славянских обществах, в том числе с применением методов социокультурной антропологии и социологии.

ИЗ ПРОШЛОГО ИУДАИКИ

В развитии иудаики на первых порах происходили сходные процессы. Существует немало работ, в том числе на русском языке, посвященных становлению этого комплекса дисциплин (Лукин 1993; Ганелин, Кельнер 1994; Локшин 1995; Nathans 1999; Носенко-Штейн 2014; Дымшиц, Носенко-Штейн 2018). Напомню лишь, что, несмотря на посвященные библейской критике и еврейской истории работы, появившиеся

уже довольно давно, «наука о еврействе» (*Wissenschaft des Judentums*) как комплекс дисциплин сформировалась в 1820-е гг. в Германии и первоначально включала в себя в первую очередь библейскую критику и историю еврейского народа и использовала методы, апробированные европейской наукой того времени.

«Наукой о еврействе» (иначе: иудаистика; затем — иудаика) стали обозначать совокупность дисциплин, включавших библеистику; изучение Талмуда и других классических еврейских текстов; историографию и археологию; еврейские языки (в первую очередь иврит) и литературу; историю еврейского народа, а также еврейскую философию и право. Иудаика — и это вполне естественно — испытывала влияние научных школ и философских идей, а также откликалась на вызовы времени, включая появление политического и расового антисемитизма, новых идеологических течений в еврейской среде (в том числе сионизма), более тесное знакомство с культурой и языками еврейских общин стран ислама, а впоследствии — Холокост и создание Государства Израиль.

Еще в конце XIX в. возник интерес к этнографии и фольклору различных еврейских общин, а также к их современному состоянию (включая правовое и экономическое положение), появились отдельные работы в области социологии и социальной психологии. Однако такие исследования были для иудаики редкостью. Несколько иначе обстояло дело с изучением фольклора евреев, прежде всего — фольклора восточных ашкеназов (в то время термином «фольклор» нередко обозначали так называемые суеверия, то есть магические представления и обряды, что входит также в сферу интересов этнографии). Усилению внимания к этнографии и фольклору способствовало стремление к национальному возрождению, охватившее этнические элиты многих окраинных народов тогдашних европейских империй.

В начале XX в. начались исследования (в том числе в области фольклористики) в еврейском *ишув* (Дымшиц, Носенко-Штейн 2018). После окончания Второй мировой войны и Холокоста в иудаике возникло новое направление — история Холокоста. Создание Государства Израиль стимулировало изучение Израиля — израилеведение (*Israeli studies*), которое нередко считают самостоятельным комплексом научных дисциплин, не вполне связанным с иудаикой. Израилеведение имеет свою международную научную ассоциацию, однако на конгрессах и конференциях по иудаике (*Jewish studies*) обычно проходят секции, посвященные истории и современному состоянию Израиля.

О возникновении иудаики в России также существует немало работ; напомним, что созданному в 1908 г. Еврейскому историко-этнографическому обществу (ЕИЭО) удалось, во многом опираясь на усилия любителей и энтузиастов, сделать поразительно много. Были организованы сбор документов по истории евреев Восточной Европы; этнографические

экспедиции в черте оседлости (знаменитые экспедиции под руководством С. Ан-ского), созданы еврейский музей и архив, журнал «Еврейская старина», изданы работы по истории евреев России (в том числе ее «окраин») и др. (Tracing An-sky 1992; Safran, Zipperstein 2006; Ганелин, Кельнер 1994; Дымшиц, Носенко-Штейн 2018). Однако надо заметить, что собственно этнографическим изысканиям в деятельности ЕИЭО уделялось сравнительно немного внимания. Так, знаменитые этнографические экспедиции С. Ан-ского 2012–2014 гг. в черте еврейской оседлости были в первую очередь фольклорными, так как их участники собирали преимущественно повествовательный и музыкальный фольклор евреев, живших в местечках. Кроме того, участники экспедиции — энтузиасты, влюбленные в «еврейскую старину», — были не слишком знакомы с теоретическими работами в области этнологии. В то же время развернулась собирательская деятельность фольклориста Н. Прилуцкого, П. Чубинского и др. На страницах журнала «Еврейская старина» работы по этнографии занимали скромное место.

В СССР исследования в области иудаики в 1920-е гг. были ориентированы главным образом на изучение рабочего движения, а также языка идиш; были созданы кафедры и центры, деятельность которых сосредоточивалась в основном на этих сюжетах (Ганелин, Кельнер 1994). Продолжалось изучение фольклора и этнографии восточных ашкеназов и евреев, живших на окраинах Советского Союза (грузинских, бухарских); особенно значительны исследования И. М. Пульнера, М. Береговского, Н. Штифа и др. (Арфы на вербах 1994; Урицкая 2010; Емельяненко 2012). Однако тогда же, в 1929 г., Еврейское историко-этнографическое общество было закрыто, а его коллекции рассредоточены по разным музеям; журнал «Еврейская старина» (который после высылки его главного редактора С. М. Дубнова возглавил Л. Я. Штернберг) просуществовал до того же 1929 г.

В 1930-е гг. работы в области иудаики постепенно сворачивались, центры, в которых велась работа по изучению еврейского культурного наследия, были закрыты, музеи и архивы расформированы, а их руководители в ряде случаев репрессированы (Ганелин, Кельнер 1994; Дымшиц, Носенко-Штейн 2018). В 1960–1980-е гг. в СССР существовали подпольные кружки по изучению иврита, еврейской истории, философии и пр., но они не могли заменить академические научные центры. Так, по рассказам некоторых так называемых культурников, приверженцев движения за возрождение еврейской культуры и ее изучение в 1970–1980-е гг., во второй половине 1970-х гг. проводился опрос среди участников этого движения; однако никаких материалов этого исследования или свидетельств того, как именно оно проводилось, мне найти не удалось. Статус академических исследований имели очень немногие направления, в частности, изучение кумранских рукописей (в этой сфере были созданы значительные

работы), а также в меньшей степени — библеистика, которая существовала преимущественно в рамках научного атеизма. В области этнографии одним из немногих отрядных исключений была деятельность ленинградского этнографа Н. В. Юхнёвой, изучавшей этнографию Петербурга — Ленинграда, в том числе населявших этот город евреев (Юхнёва 1984, 1987). Но массовых исследований как еврейской традиционной культуры, так и современных процессов, протекавших среди советских евреев, не проводилось; это было до определенной степени прерогативой зарубежных ученых, которые, впрочем, тоже не имели возможности проводить полевые изыскания, ограничиваясь в основном спорадическими исследованиями дореволюционного периода.

ПЕРЕМНЫ И ПРОБЛЕМЫ

После перестройки ситуация стала существенно меняться: в 1990-е гг. возникли Еврейские университеты (в Москве и Петербурге) и отдельные центры (например, Центр библеистики и иудаики в Российском государственном гуманитарном университете), где были сделаны первые попытки возродить исследования и готовить специалистов в области иудаики. Тогда же были проведены первые этнографические экспедиции в бывшей черте еврейской оседлости, в которых принимали участие многие известные специалисты (В. Дымшиц, И. Дворкин, А. Львов, Б. Хаймович и др; см.: История евреев 1994; Сто еврейских местечек 1997, 2000). Их участники собирали сохранившиеся элементы еврейского культурного наследия (сведения о жилище, планировке местечек, устные истории) (Соколова 1994; Хаймович 1994).

Огромная роль в возрождении иудаики (не только в России, но и во многих постсоветских странах) принадлежала и продолжает принадлежать Центру научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», который в 1990-е гг. стал собирать исследователей, по преимуществу энтузиастов, стремившихся возродить еврейское историко-культурное наследие. Впоследствии конференции, зимние и летние школы, а также семинары/вебинары, организованные «Сэфером», превратились в научные площадки по апробации многих исследований в области иудаики (особенно истории евреев разных периодов, еврейских языков и фольклора), а издания материалов конференций содержат множество интересных работ в указанных областях.

Постепенно некоторые университеты и центры были преобразованы в кафедры и центры государственных или коммерческих университетов (Московского государственного университета, Европейского университета в Санкт-Петербурге и др.), в рамках которых они и продолжают готовить специалистов в области иудаики, а также проводить научные исследования (Носенко 2009; Дымшиц, Носенко-Штейн 2018).

Такое инкорпорирование должно было благотворно сказаться на качестве обучения и образования. Эти кафедры и центры в основном специализируются в традиционных для иудаики областях (история евреев различных периодов, классические еврейские тексты, еврейские языки — иврит и идиш — и некоторые другие). Лекционные курсы по социальным дисциплинам (социокультурной антропологии, социологии и др.) читают там редко и нерегулярно. В некоторых центрах читают спецкурсы по истории и политике Государства Израиль. Если мы посмотрим на программы и специализацию таких кафедр и центров (кафедра иудаики при ИСАА МГУ, отдел Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН), то увидим, что они готовили и готовят специалистов преимущественно в области политологии, экономики, а также для работы в фирмах, сотрудничающих с Израилем. В Центре библеистики и иудаики РГГУ готовят историков, специализирующихся на работе в архивах, а также фольклористов, изучающих идишский фольклор и проводящих экспедиции в места бывшего компактного проживания евреев в Российской империи и СССР. Эта специализация также является основной в работе центра «Петербургская иудаика» при Европейском университете в Санкт-Петербурге.

Разумеется, я никоим образом не против изучения еврейских текстов, языков, фольклора и истории. Более того, я уже не раз указывала, что внимание к традиционным для иудаики областям знания вполне естественно и объяснимо. Именно в этих областях позиции иудаики наиболее сильны, существует множество первоклассных работ именно в этих сферах; их изучение необходимо для будущих специалистов по иудаике. К тому же — и на этот факт я тоже обращала внимание — данные направления совпадают со сферой научных интересов руководителей центров и кафедр по иудаике. И можно только приветствовать введение курсов по истории Израиля. Но изучение истории, философии, языков (в том числе идиша, интерес к которому возрос в течение двух последних десятилетий) и литературы продолжает составлять основу иудаики не только в нашей стране. Об этом свидетельствуют программы международных научных конференций по иудаике, лекционных курсов в отечественных вузах и исследовательских направлений многих ведущих центров (о преподавании иудаики и/или израилюведения на постсоветском пространстве см.: Лихачев, Федорчук 2004; Шевелёв 2007; Эпштейн 2007а).

Благотворительные фонды, поощряющие исследования в области иудаики, также в основном поддерживают работы именно в названных сферах. Социальные дисциплины, в том числе социокультурная антропология, занимают более чем скромное место.

Например, на научных конференциях по иудаике доклады, посвященные современному состоянию еврейских обществ, объединены либо под общей «шапкой» «Социология, этнология, демография», либо

под довольно расплывчатым обозначением вроде «Contemporary Jewish communities». Поэтому, в отличие от славистики, куда К. Вердери призвала «вернуть» (bring back) антропологию, в иудаику ее, очевидно, придется просто «внедрять», так как достойного места она в ней никогда не занимала. Я ранее отмечала, что временами звучат призывы больше обращаться к анализу современности, но они пока не находят отклика среди руководителей соответствующих кафедр и центров (Носенко 2006; 2009). Причины такой «глухоты» разные: перегруженность учебных планов, определенная инертность мышления, личные пристрастия того или иного руководителя, опасения задеть интересы организаций, поддерживающих эти самые научные центры и кафедры, а также проводимые ими изыскания (подробнее о некоторых причинах см.: Эпштейн, Меламедов 2004; Эпштейн 2007а).

В целом со времени публикации моей первой статьи на эту тему радикальных изменений в области симбиоза иудаики и социальных дисциплин в нашей стране не произошло. Израильские коллеги, принявшие участие в дискуссии вокруг этой статьи, отмечали, что многим проблемам современного еврейского общества не уделяется внимания на страницах общинной прессы (вновь подчеркну, что не только общинной, но и на страницах изданий, претендующих на звание научных). Кроме того, некоторые авторы подчеркивали, что руководители кафедр и отдельные исследователи нередко зависят от щедрот еврейских организаций (это отчасти верно для соответствующих центров и кафедр иудаики за рубежом). Следовательно, руководители таких центров и отдельные ученые не всегда свободны в выборе.

Можно в очередной раз констатировать, что «еврейские» кафедры практически не готовят антропологов, социологов, психологов и — шире — специалистов в области социальных дисциплин (как это, например, делается в Университете Брандейса [Brandeis University]). Однако дело не только в «еврейских» высших учебных заведениях. Мне несколько раз пришлось выступать на эту тему перед руководителями и преподавателями таких вузов и кафедр в рамках различных конференций, и реакция на мои выступления была весьма бурной, со ссылками на перегруженность учебных планов, политику в области высшего образования и пр. Это действительно так и касается не только центров, где изучают и преподают иудаику. Вместе с тем в учебных планах находится место как для изучения средневековых текстов, так и для политологических бесед на заданную тему (в основном о внешней политике Государства Израиль, дипломатических отношениях этой страны с США и т. п.). Но это проблема не только «еврейских» кафедр и центров: за последние годы мне на отзыв присылали диссертации о состоянии еврейских общин и конструировании еврейской идентичности; авторы этих работ не владели теоретическими и методологическими знаниями в области социальной

антропологии и этнографии вообще и еврейских реалий в частности. На мои вопросы, адресованные научным руководителям, я получала ответ, что никто не хочет заниматься современными проблемами — только древностью и Средневековьем или же еврейством Российской империи.

И тут хотелось бы обратить внимание на еще одно обстоятельство. Вузы и академические институты, где выпускают специалистов в области этнологии, социокультурной антропологии и других социальных дисциплин, практически не готовят соответствующих исследователей, которые были бы знакомы с еврейской проблематикой. Почти все крупные специалисты в области этнодемографии, этносоциологии, социокультурной антропологии, которые известны как авторы блестящих работ по иудаике (М. Членов, М. Куповецкий, А. Синельников, Т. Емельяненко, В. Петрухин, Р. Рывкина, В. Шапиро и некоторые другие), получили образование в советское время; свои знания в области иудаики они приобрели обычно самостоятельно, не всегда владеют еврейскими языками и не все глубоко осведомлены о еврейских реалиях.

С этим эффектом своеобразных «ножниц» мне пришлось и приходится сталкиваться при рецензировании статей для научных журналов и при написании отзывов на диссертации. Т. Г. Емельяненко и я оказались в итоге в непростой ситуации, будучи ответственными редакторами при подготовке справочно-этнографического тома «Евреи», который, как уже указывалось, вышел в серии «Народы и культуры» под грифами Института этнологии и антропологии РАН и Института востоковедения РАН. Серия издается с 1990-х гг., в ней освещаются этнические процессы и этническая культура народов бывшей Российской империи, СССР и стран СНГ. Выяснилось, что специалистов, которые могли бы написать разделы по этнографии восточноевропейских евреев, их этнической истории, а также многим традиционным для этнографии сюжетам (семья и брак, формы хозяйства, ремесла, одежда, календарные праздники, народное искусство, пища, физическая антропология и многое другое), в России попросту нет. Их не готовили ни «еврейские» центры и кафедры, ни вузы и академические институты, призванные готовить специалистов по этой специальности.

Помимо уже указанных выше причин, есть еще целый ряд моментов, которые негативно сказались на подготовке таких специалистов. Локальная советская этнографическая школа за последние тридцать лет в силу ряда причин была в значительной мере разрушена: все меньше остается специалистов, которые знали бы об изучаемых ими народах практически все. Что же касается евреев, то никакой группы или центра по изучению их этнической истории и культуры так и не было создано (хотя такие попытки предпринимались неоднократно). Более того, в процессе создания тома «Евреи» отсутствие необходимой научной подготовки и общей базы у авторов приводило к значительной терминологической

путанице. Евреев авторы разных глав тома называли «этносом», а их различные группы — «субэтносоми», «этнокультурными группами» и т. п. Дело не в том, что я являюсь принципиальным противником теории этноса, хотя она и представляет собой исключительно отечественный «продукт» (за рубежом ее не знают и соответствующую терминологию не используют), и не в том, что она устарела даже в отечественной этнологии. Как и любая другая теория, она имеет право на существование и на своих последователей. Но дело в том, что евреи, если говорить о последних примерно двух тысячах лет их существования, не подходят ни под одно из определений этноса (такие определения включают в себя общность территории, языка, культуры, самоназвание и самосознание). Почти пятьдесят лет назад известный изарильский этнолог Р. Патайя подчеркивал, что евреи не представляют собой единства ни в расовом, ни в географическом, ни в языковом отношении (Patai 1975), то есть определение «этнос» для них не подходило и не подходит. Ученый утверждал, что различные группы евреев объединяла традиция, общая от Марокко до Индии, подразумевающая культурные и поведенческие нормы, основанные на предписаниях иудаизма. Определение Р. Патайя тоже нуждается в уточнениях, но до недавнего времени евреи рассматривались и иногда рассматриваются за рубежом как конфессиональная общность, то есть базирующаяся на предписаниях и нормах иудаизма. Только в последние десятилетия наметилась тенденция считать их этноконфессиональной общностью (Gitelman 2009), то есть основанной не только и не столько на религии, сколько на вере в общее происхождение. После долгих дискуссий с авторами некоторых глав было решено не унифицировать соответствующую терминологию, что, к сожалению, до известной степени свидетельствует об отсутствии теоретической подготовки у многих специалистов.

В результате в ряде случаев мы вынуждены были приглашать ученых, специализировавшихся в других областях (историков, занимающихся историей евреев разных эпох; филологов, специализирующихся в области фольклористики), которые превосходно знают свой предмет, но не знакомы с этнографическим контекстом, соответствующей литературой, методологией, в некоторых случаях даже с терминологией. Иногда после долгих и безуспешных поисков нам приходилось приглашать исследователей из-за рубежа (Украина, Израиль, Франция). Разумеется, я не выступаю против международного сотрудничества, но серия «Народы и культуры» создавалась и создается почти целиком силами специалистов из бывшего СССР. Более того, она рассчитана прежде всего на русскоязычного читателя и на «внутренний рынок»: в ней отсутствуют содержание и аннотации на английском языке; освещены этническая история и культура народов, проживавших на территории Российской империи и проживающих в современной России. Перед Т. Г. Емельяненко и мной встала проблема: как быть с более ранними периодами, когда евреев просто не было

на рассматриваемой в серии территории? Как «разъять», скажем, евреев Галиции, Польши и других регионов, которые в разные эпохи входили в состав различных государств (Российской империи в том числе)? Как быть с евреями Государства Израиль? Ведь именно в этой стране в настоящее время проживает наиболее значительное еврейское население мира? Наконец, как быть с евреями, живущими за пределами бывшего СССР — в США, Европе, исламских странах и др.? После долгих дискуссий мы пришли к решению: поместили в томе очерки истории евреев в древности, в Средние века и в Новое время, а также заключительную главу, в которой кратко освещались основные характерные черты некоторых еврейских общин за пределами бывшего СССР. И снова мы столкнулись с тем, что в нашей стране катастрофически не хватает исследователей, которые смогли бы написать именно об этнической истории и культуре евреев в указанные периоды.

При написании разделов, посвященных современным процессам в еврейских общинах, авторы соответствующих глав (в том числе и автор этих строк) столкнулись с нехваткой работ о процессах, протекающих среди евреев на постсоветском пространстве. Такой феномен, как еврейская эмиграция из СССР начала 1970-х гг., и так называемая большая алия — эмиграция евреев и членов их семей конца 1980-х — начала 1990-х гг. — в отечественной литературе практически не освещены. В результате ответственным редакторам снова пришлось обращаться к израильским специалистам, которые смогли написать главу об этих явлениях, а также о жизни бывших советских евреев в Израиле, Германии, США и других странах. Как это ни странно, но именно из тех академических институтов, грифы которых стоят на титульном листе тома «Евреи», к работе над этим уникальным и очень нужным изданием было привлечено совсем немного ученых. Отсутствие специалистов по многим из перечисленных проблем наводит на невеселые мысли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Однако нельзя сказать, что почти за пятнадцать лет, прошедших с момента публикации моей первой статьи, совсем ничего не изменилось. Например, если в начале 2000-х гг. в России не было еврейского музея и академического журнала по иудаике (не говоря уже о специальных журналах вроде *Jewish Social Studies*, *Modern Jewish Studies*), то в настоящее время выпускается специализированный журнал «*Judaic-Slavic Journal*»; а музеев теперь в Москве два, и они прекрасно дополняют друг друга (существуют и более специализированные музеи, в их числе мемориальный музей в синагоге на Поклонной горе в Москве), появляются небольшие музеи и в других городах, проводятся выставки.

Но в целом ситуация с изучением и преподаванием иудаики меняется мало. Я имею в виду в первую очередь «взаимопроникновение» иудаики и ряда социальных дисциплин. Справедливости ради надо заметить, что она во многом аналогична ситуации в других странах. Это, как уже говорилось, хорошо видно в программах целого ряда научных конференций по иудаике, в которых социальные дисциплины представлены более чем скромно. Это вполне объяснимо, учитывая, что немногие университеты готовят социальных антропологов, которые одновременно имели бы базовые знания в области иудаики (и наоборот: специалистов по Jewish studies, которые были бы подкованы в социальной антропологии). В России же антропологи и социологи, обучавшиеся в советскую эпоху и позднее начавшие заниматься еврейской проблематикой, обычно принимают участие в антропологических или социологических конгрессах и конференциях; наиболее интересные работы по изучению различных тенденций и процессов в современных еврейских общинах написаны антропологами и социологами, не получившими подготовки в области иудаики. Например, в программах XI и XII Конгрессов антропологов и этнологов России (КАЭР) представлено несколько докладов по иудаике, а в программу XIII КАЭР включена целая секция по проблемам еврейской диаспоры. Аналогичная картина наблюдается за рубежом, где на некоторых крупных конгрессах по иудаике секция по социальным дисциплинам вообще не предусмотрена, в то время как, например, на конгрессах Международного общества этнографии и фольклора (Societe International de l'Ethnologie et Folklore) бывало представлено несколько докладов по этнографии евреев и современной еврейской проблематике (Носенко-Штейн 2014).

Ситуация часто выглядит довольно странной. Специалисты, имеющие подготовку в области иудаики и социальных дисциплин, нужны все больше. Есть несколько причин, подтверждающих, как мне кажется, этот тезис. Первое: традиционная этнография в значительной мере исчерпала свое «поле», которое, повторюсь, включало примитивные и крестьянские культуры, а также связанные с ними сюжеты. Это же относится и к фольклористике: можно изучать фольклор немногих евреев, которые в настоящее время проживают на территории бывшей черты оседлости, но необходимо иметь в виду, что информанты обычно помнят события 1940–1950-х гг., редко кто может адекватно описать более ранние факты в силу возраста и естественных для человеческой памяти aberrаций, а не критичное отношение к словам информантов в ряде случаев ведет к странным и даже несурзным выводам (так появляются сюжеты вроде «кошерной свинины», о которой как об очень вкусной и распространенной в некоем местечке «вспоминал» информант 97 лет; синагоги на Малой Бронной улице в Москве, в то время как она расположена на Большой Бронной улице, и т. п.). В то же время множество сюжетов современной этнографии (contemporary ethnography) и городского фольклора евреев в нашей

стране и на постсоветском пространстве остаются даже незатронутыми. А отсутствие подготовки в области этнологии и социокультурной антропологии нередко влечет за собой различные «ляпы» вроде заглавия широко разрекламированного семинара «От этничности к идентичности».

Кроме того, в современном мире все более востребованным становится прикладное образование. Если говорить о гуманитарных и социальных дисциплинах, то речь идет в первую очередь об исследовании недавнего прошлого и современности. К сожалению, именно стремление «поймать» конъюнктуру нередко приводит к тому, что антропологические и особенно социологические исследования проводятся непрофессионалами, не имеющими базовых знаний в области социальных наук, что опять же ведет к появлению не вполне адекватных работ, диссертаций (в том числе в области иудаики). И наконец, мне приходилось беседовать с некоторыми руководителями и работниками «еврейских» центров и кафедр. Все они были озабочены дальнейшим трудоустройством своих выпускников. В частности, М. С. Куповецкий в своем интервью отмечал, что в настоящее время «чистое знание» становится все менее востребованным (Носенко-Штейн 2013). К такому «чистому знанию» в настоящее время можно отнести те сферы, которые традиционно являются наиболее сильными областями для иудаики, и это идет вразрез с требованиями времени, диктующими, как я уже сказала, необходимость в прикладном образовании. Вполне естественно, что специалисту по изучению Талмуда, средневековой истории евреев, еврейским манускриптам труднее найти работу по специальности, нежели антропологам и социологам, которые могут в случае необходимости работать в других сферах. И об этом тоже следует думать. Социальную антропологию и другие социальные науки необходимо не возвращать в иудаику, ее туда следует энергично «внедрять». Хотелось бы, чтобы очередной призыв не остался втуне и был услышан руководителями соответствующих вузов и академических институтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арфы на вербах: Призвание и Судьба Моисея Береговского / сост. Э. М. Береговская. М. Иерусалим: Гешарим, 1994.

Ганелин Р. Ш., Кельнер В. Е. Проблемы историографии евреев в России. Вторая половина XIX — первая четверть XX в. // Евреи в России. Исторические очерки. М., Иерусалим: Гешарим, 1994. С. 183–249.

Дымшиц В. А., Носенко-Штейн Е. Э. Изучение этнографии и фольклора // Евреи (серия «Народы и культура») / Отв. ред. Т. Г. Емельяненко, Е. Э. Носенко-Штейн. М.: Наука, 2018. С. 11–23.

Евреи (серия «Народы и культура») / Отв. ред. Т. Г. Емельяненко, Е. Э. Носенко-Штейн. М.: Наука, 2018.

Емельяненко Т. Г. Коллекция фотографий бухарских евреев С. М. Дудина в собрании Российского этнографического музея // Страны и народы. СПб., 2012. С. 187–205.

История евреев на Украине и в Белоруссии. Экспедиции, памятники, находки / Отв. ред. В. Дымшиц. СПб.: Изд-во С. Петерб. еврейского ун-та; Инс-т исслед. еврейск. диасп., 1994.

Лихачев В., Федорчук А. Высшее образование в области иудаики на постсоветском пространстве // Евреи Евразии. Киев: Паллада, 2004. № 3.

Локишин А. Иудаика в России. Русско-еврейская история и ее исследователи // Евреи в Российской империи XVIII–XIX веков. Сборник трудов еврейских историков. М., Иерусалим: Гешарим. 1995. С. 5–27.

Лукин В. К столетию образования петербургской научной школы еврейской истории // История евреев в России / Труды по иудаике. Серия «История и этнография». Вып. 1 / Под ред. Д. Эльяшевича. СПб.: Санкт-Петербургский Еврейский университет, 1993. С. 13–26.

Носенко Е. Найдёт ли антропология свое место в российской иудаике (размышления о роли некоторых социальных и гуманитарных наук) // Диаспоры / Diasporas. М., 2006. № 4. С. 218–233.

Носенко Е. Э. Введение: антропология и иудаика: возможен ли симбиоз? // Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 3–7.

Носенко-Штейн Е. Э. «Передайте об этом детям вашим, а их дети следующему роду». Культурная память у российских евреев в наши дни. М.: ИВ РАН; МБА, 2013.

Носенко-Штейн Е. Э. Введение // Помнить о прошлом ради будущего. Еврейская идентичность и коллективная память / Отв. ред. Т. А. Карасова, Е. Э. Носенко-Штейн М.: ИВ РАН, 2014. С. 9–20.

Соколова А. Архитектура местечек Восточной Подолии // История евреев на Украине и в Белоруссии. Экспедиции, памятники, находки / Отв. ред. В. Дымшиц. СПб.: Изд-во С. Петерб. еврейского ун-та, 1994. С. 53–82.

Сто еврейских местечек Украины: исторический путеводитель. Вып. 1. СПб: Петербургская иудаика, 1997; Вып. 2. СПб.: Петербургская иудаика, 2000.

Урицкая Л. Б. О выставке И. М. Пульнера «Евреи в царской России и в СССР» // Материалы по этнографии. Т. III: Народы Белоруссии, Украины, Молдавии. СПб.: Изд-во «Деловая полиграфия», 2010. С. 331–339.

Хаймович Б. Историко-этнографические экспедиции Петербургского еврейского университета // История евреев на Украине и в Белоруссии. СПб.: Изд-во С. Петерб. еврейского ун-та; Инс-т исслед. еврейск. диасп., 1994. С. 15–43.

Шевелев Д.Л. Израилеведение и палестиноведение в современной России (к вопросу о дефинициях и состоянии отрасли) // Восток / Oriens. 2007. № 5. С. 216–220.

Юхнёва Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л.: Наука, 1984.

Юхнёва Н. В. Петербург как центр национально-культурных движений России // Этнография Петербурга — Ленинграда. Материалы ежегодных чтений. Вып. 1: Этнокультурные процессы в Петербурге / Отв. ред. Н. В. Юхнёва. Л.: Наука, 1987. С. 4–12.

Эпштейн А. Проблемы развития иудаики и израилеведения на русском языке: полемические заметки // Диаспоры / Diasporas. 2007а. № 1–2. С. 228–237.

Эпштейн А. Изучение Израиля в России (1999–2006): достижения и проблемы. Восток/Oriens. 2007б. № 2. С. 167–170

Эпштейн А. Д., Меламедов Г. О национальных проблемах без самоцензуры. Обзор статей «еврейского» номера независимого научного журнала «Диаспоры» (№ 3 за 2004 г.) // «Вести» — общественно-политическое приложение. (28 апреля). 2004. С. 14–15.

Gitelman Z. (Ed.). Religion or Ethnicity? Jewish Identities in Evolution. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2009.

Nathans B. On Russian-Jewish Historiography // Historiography of Imperial Russia: "The Profession and Writing of History in Multinational State" / Ed. by Sanders Th. Armonk. N. Y.: M. E. Sharpe Inc., 1999. Pp. 397–432.

Patai R., Patai-Wing J. The Myth of Jewish Race. N. Y.: Scribner's Sons, 1975.

Safran G., Zipperstein S. I. (Ed.). The World of S. An-sky. A Russian Jewish Intellectual at the Turn of the Century. Stanford, Cal: Stanford University Press, 2006.

Tracing An-sky: Jewish Collections from the State Ethnographic Museum in St. Petersburg. St. Petersburg,; Amsterdam, 1992.

Verdery K. Bringing Anthropologists (Back) // News Net. News of the American Association for the Advancement of Slavic Studies. 2006. Vol. 46. № 1.

REFERENCES

Dymshic V. A., Nosenko-SHtejn E. E. [The study of ethnography and folklore]. *Evrei (seriya «Narody i kul'tury»)* [Jews (series "Peoples and Cultures")]. Moscow: Nauka Publ., 2018, pp. 11–23. (In Russian).

Emelyanenko T. G. [A collection of photographs of Bukhara Jews S.M. Dudin in the collection of the Russian Ethnographic Museum]. *Strany i narody* [Countries and peoples]. St. Petersburg, 2012, pp. 187–205. (In Russian).

Epshtejn A. [Problems of the development of Judaica and Israeli studies in Russian: polemic notes]. *Diaspora* [Diasporas], 2007a, no. 1–2, pp. 228–237. (In Russian).

Epshtejn A. [The study of Israel in Russia (1999–2006): achievements and problems]. *Vostok/Oriens* [East / Oriens], 2007b, no. 2, pp. 167–170. (In Russian).

Epshtejn A. D., Melamedov G. [On national issues without self-censorship. Review of articles of the "Jewish" issue of the independent scientific journal Diaspora (No. 3 of 2004)] // «Vesti» — *obshchestvenno-politicheskoe prilozhenie* ["News" — a socio-political application], 2004, pp. 14–15. (In Russian).

Evrei (seriya «Narody i kul'tury») [Jews (series "Peoples and Cultures")]. Moscow: Nauka Publ., 2018. (In Russian).

Ganelin R. Sh., Kelner V. E. [Problems of historiography of Jews in Russia. The second half of the 19 — the first quarter of the 20 century]. *Evrei v Rossii. Istoricheskie ocherki* [Jews in Russia. Historical essays]. Moscow, Jerusalem: Gesharim Publ., 1994, pp. 183–249. (In Russian).

Gitelman Z. (Ed.). *Religion or Ethnicity? Jewish Identities in Evolution*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 2009. (In English).

Hajmovich B. [Historical and Ethnographic Expeditions of Petersburg Jewish University]. *Istoriya evreev na Ukraine i v Belorussii* [History of Jews in Ukraine and Belarus]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo evrejskogo universiteta Publ., 1994. (In Russian).

Istoriya evreev na Ukraine i v Belorussii. Ekspedicii, pamyatniki, nahodki [History of Jews in Ukraine and Belarus. Expeditions, monuments, finds]. St. Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo evrejskogo universiteta Publ., 1994. (In Russian).

Lihachev V., Fedorchuk A. [Higher education in the field of Jewish studies in the post-Soviet space]. *Evrei Evrazii* [Jews of Eurasia], 2004, no. 3. (In Russian).

Lokshin A. [Judaica in Russia. Russian-Jewish history and its researchers]. *Evrei v Rossijskoj imperii 18–19 vekov. Sbornik trudov evrejskih istorikov* [Jews in the Russian Empire of the 18th–19th centuries. Collection of Jewish Historians]. Moscow; Jerusalem: Gesharim Publ., 1995, pp. 5–27. (In Russian).

Lukin V. [On the Centenary of the Formation of the St. Petersburg Scientific School of Jewish History]. *Istoriya evreev v Rossii / Trudy po iudaike. Seriya "Istoriya i etnografiya"*. Vyp. 1 [History of Jews in Russia / Works on Judaica. Series "History and Ethnography". Issue 1.]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij evrejskij universitet Publ., 1993, pp. 13–26. (In Russian).

Nathans B. On Russian-Jewish Historiography. *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in Multinational State*. New York: M. E. Sharpe Inc., 1999, pp. 397–432. (In English).

Nosenko E. [Will Anthropology Find Its Place in Russian Judaica (Reflections on the Role of Some Social and Human Sciences)]. *Diaspory* [Diasporas], 2006, no. 4, pp. 218–233. (In Russian).

Nosenko E. E. [Introduction: Anthropology and Judaica: Is Symbiosis Possible?]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Etnograficheskoe obozrenie], 2009, no. 6, pp. 3–7. (In Russian).

Nosenko-Shtejn E. E. «*Peredajte ob etom detyam vashim, a ih deti sleduyushchemu rodu*». *Kul'turnaya pamyat' u rossijskih evreev v nashi dni* ["Pass this on to your children, and their children to the next generation." The cultural memory of Russian Jews today]. Moscow: IV RAS; MBA Publ., 2013. (In Russian).

Nosenko-Sptejn E. E. [Introduction]. *Pomnit o proshlom radi budushchego. Evrejskaya identichnost i kollektivnaya pamyat* [Remember the past for the future. Jewish identity and collective memory]. Moscow: IV RAS Publ., 2014, pp. 9–20. (In Russian).

Patai R., Patai-Wing J. *The Myth of Jewish Race*. New York: Scribner's Sons, 1975. (In English).

Safran G., Zipperstein S. I. (Ed.). *The World of S. An-sky. A Russian Jewish Intellectual at the Turn of the Century*. Stanford, Cal: Stanford University Press, 2006. (In English).

Shevelev D. L. [Israeli and Palestinian studies in modern Russia (on the issue of definitions and the state of the industry)]. *Vostok / Oriens* [East / Oriens], 2007, no. 5, pp. 216–220. (In Russian).

Sokolova A. [The architecture of the towns of Eastern Podolia]. *Istoriya evreev na Ukraine i v Belorussii. Ekspedicii, pamyatniki, nahodki* [History of Jews in Ukraine and Belarus. Expeditions, monuments, finds]. St. Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo evrejskogo universiteta Publ., 1994. (In Russian).

Tracing An-sky: Jewish Collections from the State Ethnographic Museum in St. Petersburg. St. Petersburg, Amsterdam, 1992. (In English).

Uricksaya L. B. [About the exhibition I. M. Pulner “Jews in Tsarist Russia and the USSR”]. *Materialy po etnografii. Vyp. 3: Narody Belorussii, Ukrainy, Moldavii* [Ethnographic materials. Vol. 3: The peoples of Belarus, Ukraine, Moldova.]. St. Petersburg, 2010. (In Russian).

Verdery K. Bringing Anthropologists (Back). *News Net. News of the American Association for the Advancement of Slavic Studies*, 2006, vol. 46, no. 1. (In English).

Yuhnyova N. V. [Petersburg as a center of national-cultural movements of Russia]. *Etnografiya Peterburga — Leningrada. Materialy ezhegodnyh chtenij. Vyp. 1: Etnokul’turnye processy v Peterburge* [Ethnography of St. Petersburg — Leningrad. Materials of the annual readings. Vol. 1. Ethnocultural processes in St. Petersburg]. Leningrad: Nauka Publ., 1987, pp. 4–12. (In Russian).

Yuhnyova N. V. *Etnicheskij sostav i etnosocial’naya struktura naseleniya Peterburga* [The ethnic composition and ethno-social structure of the population of St. Petersburg]. Leningrad: Nauka Publ., 1984. (In Russian).

Submitted: 10.02.2020

Accepted: 05.05.2020

Article is published: 01.07.2020